

С.Я. Ольговский

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ КАРАВАННЫЙ ПУТЬ ИЗ ОЛЬВИИ НА УРАЛ И В ПОВОЛЖЬЕ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается возможность существования торгового пути от Ольвии, до Урала и Поволжья в архаическое время. Такое предположение было высказано в середине XX в. ошибочно, поскольку Ольвия на фоне недостаточной исследованности скифских памятников оседлого быта выглядела развитым ремесленным центром, продукция которого распространялась в самые отдаленные области. Последние исследования скифских ремесленных центров позволяют считать их более мощными и развитыми, и хотя греческие купцы были там частыми гостями, дальше на восток они не проникали и скифы сами распространяли свою продукцию до Урала и Поволжья. «Ольвийские» зеркала и крестовидные бляхи с элементами скифского звериного стиля не могут служить доказательством связей Ольвии с этими областями, поскольку не являются продукцией ольвийских литейщиков.

Ключевые слова: *звериный стиль, «ольвийские» зеркала, крестовидные бляхи, караванный путь бронзолитейного ремесла, ремесленный центр.*

В 1947 г. впервые было высказано предположение о постоянно действующем торговом пути из Ольвии в Поволжье и на Урал, который якобы активно функционировал в VI—V вв. до н. э. [Граков, 1947]. В качестве подтверждения этой гипотезы были приведены некоторые пассажи из четвертой книги «Истории» Геродота, а также отдельные категории изделий, которые неопровержимо считались продукцией ольвийских литейщиков и были известны из раскопок как в Причерноморье, так и в Поволжье. Таким образом, были затронуты вопросы этногеографии Скифии, и, в очередной раз, Ольвия была представлена как решающий фактор в развитии торговых и культурных связей в Се-

верном Причерноморье и с более отдаленными районами.

Прежде всего, Б.Н. Граков обратил внимание на перечисление Геродотом племен, населявших земли на предполагаемом пути и указанные им при этом расстояния. Так за Борисфеном по Геродоту были расположены земли скифов-земледельцев, а за ними на восток после 14 дней пути до реки Геррос лежат земли скифов-кочевников.

Далее за Танаисом на 15 дней пути Геродот называет земли савроматов — первого нескифского народа. То, что у древнего автора называются условные расстояния, Б.Н. Граков считает доказательством того, что речь идет именно о постоянно используемом караванном пути [Граков, 1947, с. 23—24]. Но за землями савроматов о расстояниях у Геродота ничего не говорится и дальше описываются сказочные земли, населенные козлоногими людьми, которые спят по шесть месяцев в году и какими-то плешивыми людьми.

Совершенно очевидно, что за землями савроматов заканчиваются знания греческих информаторов Геродота о более отдаленных землях и племенах. И хотя, по свидетельству Геродота, об этих далеких восточных землях можно узнать не только от скифов, но и от греков из причерноморских городов, Б.Н. Граков относительно этого пишет: «Я считаю, что, скорее всего, там бывали **только скифы**, которые поставляли восточные товары в греческие города, **а не греки**» (выделено мною — С. О.) [Граков, 1947, с. 25]. Впрочем, эту фразу в работе Б.Н. Гракова последующие исследователи странным образом не заметили, но статья в целом стала основополагающей, и начали выстраиваться схемы, на которых Ольвия изображалась отправным

пунктом для распространения различных товаров в самые отдаленные районы ойкумены. При этом Ольвия архаического времени называлась наиболее развитым ремесленным центром из всех причерноморских колоний, в мастерских которой изготавливались различные изделия из цветных металлов для удовлетворения варварского рынка. А своеобразие продукции, типы изделий, техника отливки и стиль якобы свидетельствовали о «специфически ольвийском характере изделий и созданном в Ольвии VI в. до н. э. особом художественном стиле» [Прушевская, 1955, с. 328]. Позже будут предприняты попытки выделить даже особую ольвийскую школу звериного стиля [Островерхов, 1994, с. 67]. Сам же Б.Н. Граков, веря в исключительность ольвийского ремесла, и считая продукцией ольвийских литейщиков оригинальные зеркала и крестовидные бляхи, в декоре которых использовались элементы скифского звериного стиля, использовал их для подтверждения постоянных связей Ольвии с Уралом и Поволжьем в архаическое время. Хотя его же наблюдение относительно того, что о восточных землях можно узнать только от скифов этому противоречит.

Я неоднократно обращал внимание на диспропорцию в исследовании скифских и античных памятников, которая сложилась к середине XX в., что и способствовало формированию мнения о высоком уровне развития греческой культуры в Северном Причерноморье, которая якобы определяла направление развития местной культуры [Ольговский, 2014, с. 3]. Если греческие колонии, хотя и с некоторыми перерывами, всесторонне исследовались с рубежа XVIII—XIX вв., то культура скифского населения изучалась лишь эпизодически и в основном по материалам погребальных памятников, преимущественно курганов скифской знати. Материалы же поселений и городищ сравнительно мало привлекали внимание исследователей. Только в конце XIX в. А.А. Бобринский и И.А. Зарецкий произвели эпизодические разведывательные работы соответственно на Бельском и Лихачевском городищах. Затем В.А. Городцов в начале XX в. на Западном укреплении Бельского городища исследовал один из зольников. И хотя при этих, по существу случайных и небольших по объему работах сразу были обнаружены выразительные следы местной металлообработки, этот факт остался без внимания исследователей.

Активное исследование скифских памятников оседлого быта началось в середине XX в. и сейчас на правом берегу Днепра известны Трахтемировское, Шарповское, Мотронинское городища, Жаботинское поселение; на Левобережье — городища Бельское, Коломакское, Кньшевское, Люботинское, Лихачевское, Полковая Никитовка. Все эти памятники функционировали в V—VI вв. до н. э. и являлись

крупными ремесленными и торговыми центрами. Мастерские с плавильными горнами, наборы уникальных инструментов, литейные формы, товарные слитки металла, разнообразные отходы производства, готовая и бракованная продукция — по своему разнообразию и многочисленности значительно превышают аналогичные находки из греческих колоний в целом и из Ольвии в частности. Поэтому миф об исключительности колониального ремесла можно считать развеянным.

Следует сказать о зеркалах, так называемого «ольвийского» типа и крестовидных бляхах, в декоре которых присутствуют элементы скифского звериного стиля и которые Б.Н. Граков приводит в качестве доказательства ольвийского экспорта на Урал и в Поволжье. Если принять тезис об изготовлении этих изделий в ольвийских мастерских, то это единственные вещи колониального производства, которые доставлялись в далекие области.

К «ольвийским» относятся зеркала, диск которых имеет по краю невысокий бортик, а боковая ручка с продольными канелюрами, иногда украшенными косой насечкой «елочкой» или круглореберная, украшенная на конце фигурками зверей. Это или головка барана, выполненная с различной степенью стилизации, или фигурка хищника — барса или пантеры (рис. 1, 1—3). Достаточно редкими являются зеркала, боковая ручка которых украшена фигуркой животного, условно названного сфинксом (рис. 1, 4). Иногда в месте соединения ручки и диска помещается фигурка лежащего оленя, реже кабана.

Крестовидные бляхи являются более типичными для архаической Скифии. Конструктивно они построены в виде центрального круга с изображением животного. Как правило, это пантера, свернувшаяся в кольцо, а с трех сторон размещены еще три круга также с изображением пантеры или профилированные головки птиц, или других животных. Эти три круга или ажурные зооморфные фигурки являются короткими концами креста. Четвертый удлиненный четырехугольный конец начинается от свободного края центрального круга и также украшен фигурками зверей.

Первым «безусловно ольвийскими» назвал зеркала с фигурками животных Б.В. Фармаковский, поскольку изображения зверей, по его мнению, находят сходство с ионийской скульптурой. Соглашаясь с мнением немецкого исследователя XIX в. Г. Гампеля, что такие зеркала могли изготавливаться только в каком-либо античном центре на побережье Черного моря, Б.В. Фармаковский, учитывая, что кроме Ольвии такие изделия больше ни в каких греческих городах Северного Причерноморья не встречались, утверждает, что именно Ольвия и была единственно возможным местом их изготовления.

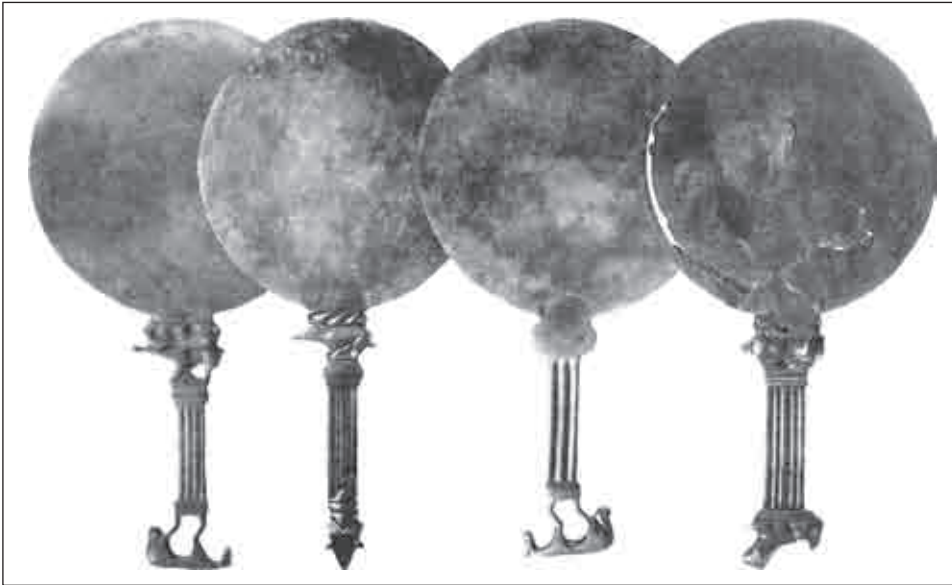

Рис. 1. Зеркала «ольвийского» типа: 1 — Нальчик; 2 — Ольвия; 3 — Ольвия; 4 — Трансильвания

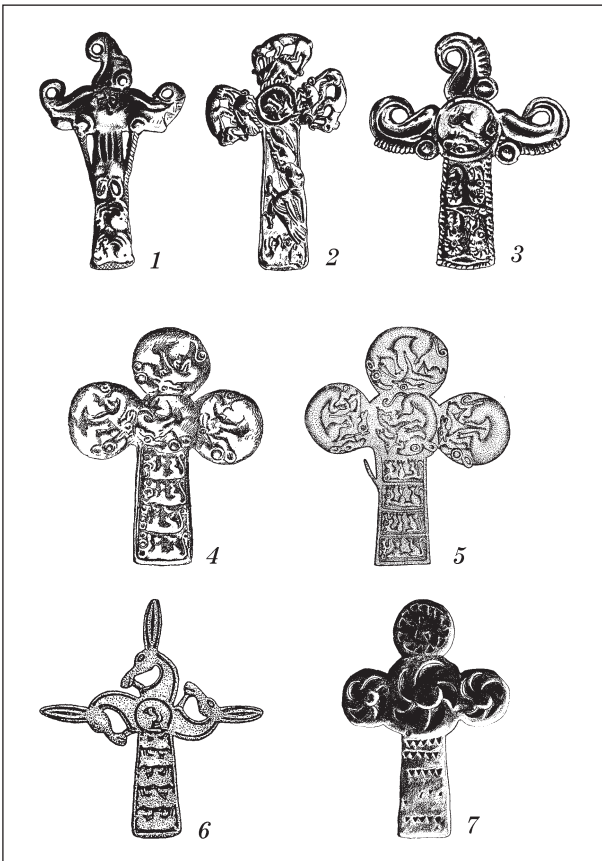

Рис. 2. Крестовидные бляхи: 1, 2 — Комаром, Мезолак (Венгрия); 3, 4 — Опишлянка, Ениковоц (Украина); 5 — Зуевский могильник (Поволжье); 6 — Гусарка (Украина)

Далее Б.В. Фармаковский, слишком переоценивая и идеализируя ольвийское бронзолитейное ремесло, допускает, что продукцией ольвийских мастеров, очевидно, являются также зеркала, украшенные на конце боковой ручки рельефным изображением цветка лотоса или маской Горгоны [Фармаковский, 1914, с. 27,

28], которые традиционно считаются античным импортом из греческой метрополии. Но только первая часть высказывания Б.В. Фармаковского об ольвийском происхождении зеркал с фигурками животных и по сей день используется исследователями, как единственное доказательство изготовления зеркал в Ольвийских мастерских греческими мастерами.

По мнению Б.Н. Гракова, скифский звериный стиль на зеркалах неслучаен, поскольку изготовление вещей в этом стиле в Ольвии — явление обычное. А отсутствие таких зеркал в погребениях некрополей других городов Северного Причерноморья дало повод этому автору, так же, как и Б.В. Фармаковскому, категорично утверждать, что они являются продукцией металлообрабатывающих мастерских именно Ольвии [Граков, 1947, с. 28].

Происхождению зеркал «ольвийского» типа и крестовидных блях с элементами скифского звериного стиля были посвящены отдельные статьи [Ольговский, 1992; 1995] и раздел монографии [Ольговский, 2014, с. 207—247]. Поэтому мы не будем вдаваться в подробности этой проблемы. Отметим лишь, что нет никаких оснований считать Ольвию местом изготовления этих изделий. Нет никаких следов их изготовления и в каком либо конкретном скифском центре. Можно назвать лишь опосредованные данные. В этом отношении весьма интересно зеркало из кургана 6 у с. Басовка в Посулье, исследованного С.А. Мазараки в 1899 г. (рис. 3, 3). О нем мы уже говорили в связи с монографией Т.М. Кузнецовой. Место крепления массивного литого диска с боковой ручкой оформлено в виде ионийской капители с двумя волютами и пальметтой между ними. Сама ручка железная, но окончание ее бронзовое в виде двух орлиных головок с непропорционально большими и сильно загнутыми клювами. В.А. Ильинская безапелляционно называет это зерка-

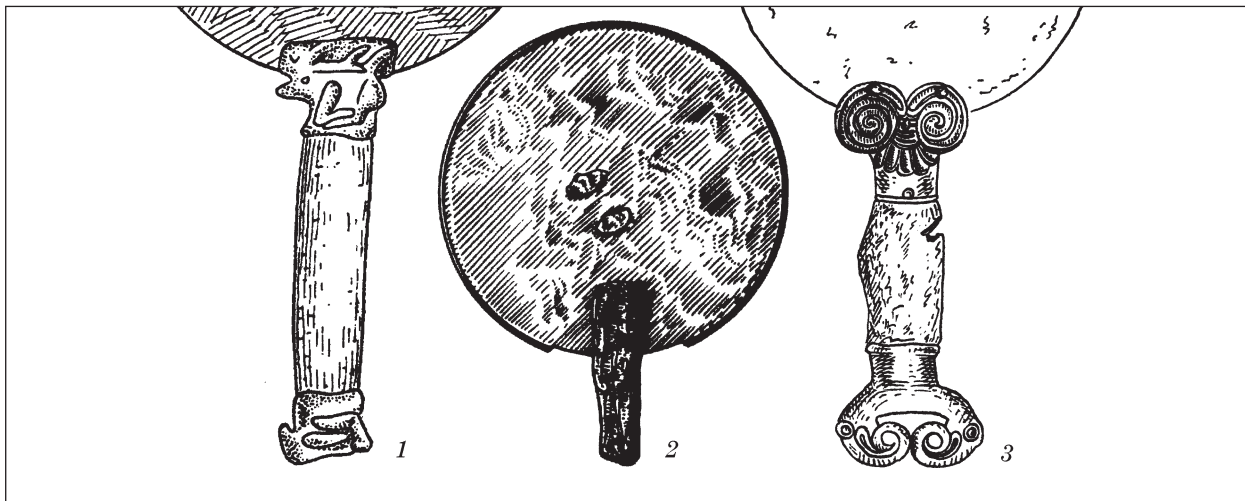

Рис. 3. Скифские зеркала из лесостепных курганов: 1 — Старшая Журовская группа; 2 — Захарейковская Могила; 3 — Басовка, Посулье

ло греческим из-за наличия чисто греческого орнамента в декоре диска [Ильинская, 1968, с. 40, табл. XXX, 3]. Автора не смутило наличие и чисто скифского элемента, выполненного с соблюдением всех канонов классического звериного стиля VI в. до н. э.

Т.Б. Барцева считает, что художественное оформление ручки зеркала как бы показывает, с одной стороны, для кого оно изготовлено, так как изображение фигурок хищных птиц было популярно в скифском искусстве, а с другой — кто его изготовил (ионийская капитель — мотив, который ближе по духу для жителей греческого города) [Барцева, 1981, с. 72]. То есть, и этот автор считает это зеркало произведением греческих мастеров.

Т.Б. Барцева имела в своем распоряжении результаты спектрального анализа бронзовых элементов этого зеркала, но и она не обратила внимания на рецептурные различия в сплавах, из которых были отлиты диск и окончание ручки.

Если для отливки диска использовалась высокооловянная бронза с концентрациями лигатуры до 33 %, как, например, для отливки высокохудожественной посуды из метрополии, то окончание ручки изготовлено из бронзы с концентрациями олова до 5 %. Различается металл двух элементов зеркала и по содержанию некоторых микропримесей, например: серебра, сурьмы, мышьяка [Барцева, 1981, с. 103, ан. № 19753, 19753а]. А это дает основание для предположения, что диск и ручка были изготовлены в различных мастерских и, возможно, в различное время.

Вполне реальным будет предположение, что железная ручка с бронзовым окончанием была прикреплена после поломки греческого зеркала, которым владел житель лесостепи. Ремонт совершил тоже скифский мастер, который подпил место поломки и приклепал железную

ручку, украшенную на конце орлиными головками, придав зеркалу варварский облик.

Однако, оригинальность изображений животных позволяет с уверенностью считать авторами этих зеркал варварских мастеров, а различие химико-металлургических характеристик металла указывает на возможность производства их в нескольких ремесленных центрах или различными группами бродячих мастеров, пользовавшихся металлом из различных источников.

Следует также отметить наблюдение С.С. Бессоновой, которая, проанализировав погребальный инвентарь сорока женских погребений ольвийского некрополя архаической поры, выделила те, в которых представлены каменные блюда и плиты, нередко в сочетании с зеркалами и кусочками красной краски и серы, что является характерным для скифских жреческих погребений. Поэтому можно считать открытым вопрос об этнической принадлежности, по крайней мере, части населения Ольвии, пользовавшегося зеркалами [Бессонова, 1996, с. 106].

Крестовидные же бляхи, хотя и имеют тот же ареал распространения, но по количественным показателям демонстрируют совершенно другую картину. Большинство их, как уже было сказано, происходит из Карпато-Дунайского бассейна и лесостепного Поднепровья и всего по одному экземпляру известно в Нижнем Побужье (рис. 2, 3) и в Прикамье (рис. 2, 7). Последняя бляха отличается от прочих находок своей орнаментацией. Вместо изображений животных она украшена солярными символами. На верхней, четырехугольной ее части, имеется пять рядов зубцов, которые, по мнению Б.Н. Гракова, передают изображения пантер. В центральном и боковых кругах переданы солнечные лучи во вращательном движении, которые также, по мнению Б.Н. Гракова, «симво-

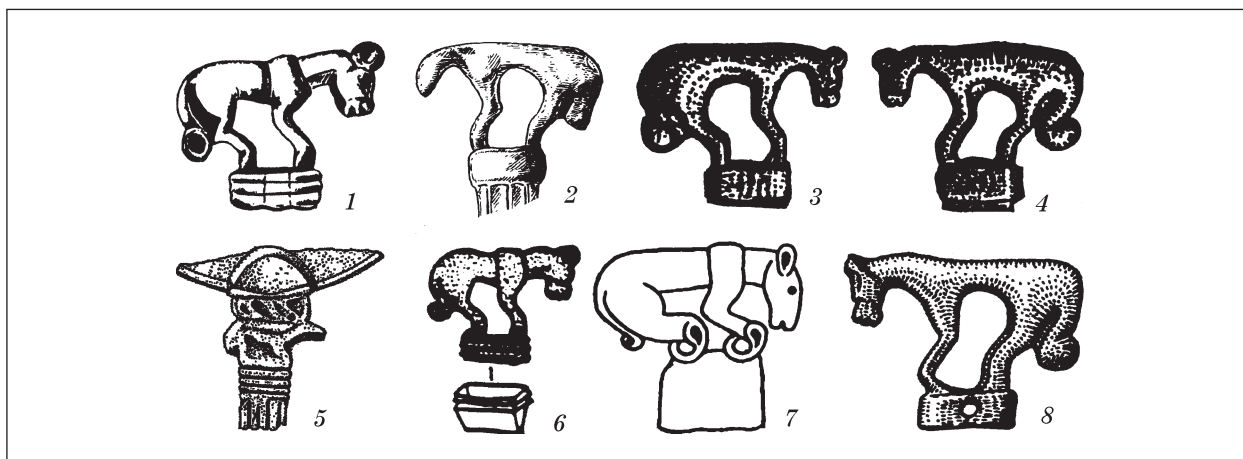

Рис. 4. Фигурки животных с ручек зеркал: 1 — Мариуполь; 2 — Преображенка (Урал); 3 — Дюдойка; 4 — Деброшен (Центральная Европа); 5, 6, 8 — Березанское поселение; 7 — могильник Скоробор (Бельское городище)

лизируют непонятных мастеру, свернувшись в кольцо пантер» [Граков, 1947, с. 35].

Для носителей ананьинской культуры свойственны культы, связанные с огнем и солнцем [Збруева, 1952, с. 126, 132], поэтому ни у А.В. Збруевой, ни у Б.Н. Гракова не вызывает сомнения местное изготовление этой бляхи, но по образцу скифской. Б.Н. Граков связывает ее с торговыми походами ольвийских купцов в этот далекий край [Граков, 1947, с. 35]. Однако странно, что ольвийские негоцианты совершили свой далекий и, нужно полагать, далеко небезопасный поход в земли ананьинской культуры только для того, чтобы познакомить далекий народ с формой крестовидных блях. Так как среди материалов двадцати поселений и двенадцати могильников, исследованных ко времени публикации объемной монографии А.В. Збруевой, не встретилось ни одной импортной античной вещи. Но удивительным образом, мимо внимания исследователей прошли костяные псалии с элементами звериного стиля из Маклашевского могильника и городища Сорочины Горы, которые находят многочисленные аналогии в посульских курганах; скифские акинаки с бабочковидными перекрестиями из Зуевского и Луговского могильников; скифское зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, которые подпирали бляшку с изображением животного из Маклашевского могильника; ажурная бляха в виде свернувшегося в кольцо хищника из Ананьинского могильника [Збруева, 1952, с. 30, 35, 37, 100].

Происхождение этих вещей не вызывает сомнений и попасть к ананьинцам они могли только из Скифии и скорее всего без посредничества греческих купцов из причерноморских колоний. Кстати, Геродот писал о людях, лысых от рождения, живущих около высоких гор, имя этого народа аргишпей, а земли до этих людей хорошо известны, поскольку к ним иногда приходят скифы и ведут с ними беседу при помощи переводчиков на семи языках (IV, 23, 24).

Ананьинская бляха обнаружена в погребении V в. до н. э., а это свидетельствует, что скифские вещи могли попасть к ананьинцам позже скифской экспансии на территорию современной Украины, то есть, не в ее процессе, и не были результатом случайных связей.

Исходя из всего сказанного, можно исключить ананьинскую бляху из списка рассматриваемых изделий. Отметим лишь, что использование ее для моделирования торговых путей из античных городов Северного Причерноморья в Поволжье и Приуралье, как это делал сначала Б.Н. Граков, а затем Н.Л. Членова [1983], неправомочно.

Остальные же бляхи, как и зеркала с фигурками животных, считаются продукцией ольвийских мастеров, хотя из Нижнего Побужья происходит всего один экземпляр. Это бляха из погребения 12 ольвийского некрополя, исследованного Б.В. Фармаковским (рис. 2, 3). Короткие концы креста этой бляхи оформлены в виде орлиных голов, а на верхней части изображены четыре бараньи головки, которые, по мнению Б.В. Фармаковского, трактованы в чисто греческой манере [Фармаковский, 1914, с. 37].

Если «ольвийские» зеркала Б.Н. Граков считал безоговорочно греческими, то относительно крестовидных блях он лишь допускал возможность их изготовления в Ольвии, хотя оговаривал, что они «негреческого происхождения, но есть все основания связывать их с районом Ольвии». Не совсем понятно, какие основания автор имел в виду, если бляхи негреческого происхождения. Тем более, что сам Б.Н. Граков выделяет в отдельную группу бляхи, обнаруженные в Венгрии (рис. 2, 1, 2), в которых, как он считает, «нельзя заподозрить изделия ольвийского цикла, а в стилизации и художественной технике нет ничего, что позволило бы видеть в их зверином стиле руку надднепрянского художника» [Граков, 1947, с. 32—35]. То

есть, венгерские бляхи происходят от украинских, а своим наследованием последних указывают, что именно в Ольвии появился их прототип.

Таким образом, из контекста понятно, что Б.Н. Граков считал: венгерские бляхи были изготовлены местными западнопонтийскими мастерами, но по образцу украинских, которые, в свою очередь, могли быть изготовлены лесостепными скифскими мастерами, а также ольвийскими литейщиками.

Это мнение отличается от мнения Б.В. Фармаковского, который, связывая бляху из ольвийского некрополя исключительно с ольвийским ремеслом, утверждал, что «все искусство скифов Причерноморья было создано в греческих колониях, мастера которых превратили убогие изобразительные элементы в жемчужину творчества» [Фармаковский, 1914, с. 37]. А в целом, как считает Б.В. Фармаковский, звериный стиль возник в Ионии, откуда был завезен колонистами в Северное Причерноморье, и только тогда был заимствован скифами.

Но из этого следует, что звериный стиль, начиная с VII в. до н. э., необходимо рассматривать как два стилистических направления: во-первых, принесенный скифами из восточных областей Евразии и, во-вторых, трансформированное искусство как результат взаимодействия скифской и греческой культур.

Думается, что такая точка зрения давно устарела и в настоящее время не разделяется исследователями, поэтому не будем подробно останавливаться на ее критике. Но почему-то даже современные авторы считают, что Б.В. Фармаковский и Б.Н. Граков убедительно доказали ольвийское происхождение крестовидных блях [Скржинская, 1984, с. 120, 121], хотя ни в одной из работ этих авторов никакие аргументы не указаны, кроме утверждений об отсутствии или крайне низком уровне бронзолитейного ремесла у скифов. Но о состоянии этого вопроса уже сказано достаточно много.

Исследуя одну из последних находок такого рода — крестовидную бляху из раннескифского погребения у с. Гусарка Запорожской обл. (рис. 2, 5), В.Ю. Мурзин называет ее ольвийской и пишет, что «в изображении животных на ней заметно влияние греческого искусства, под действием которого реалистические изображения самобытного скифского стиля постепенно превратились в вычурный и перегруженный многочисленными деталями звериный орнамент» [Мурзин, 1977, с. 56, 57]. Хотя стилистические особенности изображения пантер на этой бляхе не выходят за рамки изобразительных канонов традиционного скифского звериного стиля и не дают оснований выделять ее из серии других поднепровских находок. Более того, изображения животных на ней очень сходны с изображениями на крестовидной бляхе из Опишлянки (рис. 2, 4). Разница

лишь в том, что бляха из Гусарки плакирована золотом и это, возможно, обусловило некоторые различия. Да и вывод В.Ю. Мурзина является слегка перефразированным повторением слов Б.В. Фармаковского.

Таким образом, все известные в настоящее время крестовидные бляхи можно условно разделить на две группы, характеризующие искусство двух регионов — Среднего Поднепровья и Западного Причерноморья. И нет никаких оснований считать местом изготовления крестовидных блях Ольвию и, тем более, Березань, как это делает А.С. Островерхов. Этот автор утверждает, что в момент наивысшего подъема в деятельности мастерских Нижнего Побужья в VI—V вв. до н. э., именно в этих центрах и изготавливались эти изделия, хотя, как уже было сказано, из Ольвии происходит всего один экземпляр, а на Березани крестовидные бляхи вообще неизвестны. Тем не менее, называя Ольвию местом изготовления «ольвийских» зеркал, А.С. Островерхов о Березани умалчивает [Островерхов, 1978, с. 10], хотя из раскопок этого памятника на время публикации статьи этого автора было известно 4 зеркала с фигурками животных [Скржинская, 1984, с. 119], а в 2007 г. был найден фрагмент еще одного миниатюрного зеркала с фигуркой оленя между диском и ребристой ручкой (рис. 4, 5). Со стороны А.С. Островерхова было бы логичнее считать Березань местом изготовления зеркал, а не крестовидных блях.

Находясь под впечатлением утверждений А.С. Островерхова, но и учитывая их противоречивость, Ю.Б. Полидович допускает возможность изготовления в Ольвии единичных экземпляров крестовидных блях, которые выпадают из логики развития скифского искусства [Полидович, 1993, с. 65]. Но, учитывая низкий уровень собственно ольвийской металлообработки, а также большую вероятность изготовления этих изделий в Балканском регионе, такие предположения не имеют под собой оснований, а выпадающие из логики развития скифского искусства экземпляры, изготавливались в Карпато-Дунайском регионе.

Можно согласиться с Б.Н. Граковым в том, что венгерские бляхи были компилированы из поднепровских. Подтверждается это исследованием К. Хоредта, который разработал хронологию крестовидных блях Дунайского региона. Он проследил их замену от образцов, которые повторяют украинские, до упрощенных, выполненных в виде простого креста [Мурзин, 1977, с. 58]. Из этого следует, что венгерские бляхи более поздние, чем поднепровские и, беря во внимание высокий уровень развития металлообрабатывающего ремесла в скифской Лесостепи, можно уверенно говорить, что именно лесостепные скифские мастерские и были местом, где выработалась форма этих украшений и были изготовлены первые экземпляры. Хотя

есть информация о новых находках в Западном Причерноморье блях, относящихся к VI в. до н. э., среди которых есть бракованные экземпляры. Окончательное же решение вопроса о появлении и месте изготовления «ольвийских» зеркал и крестовидных блях возможно только после обнаружения литейных форм для их изготовления или полуфабрикатов в конкретной мастерской. Интересна в этом отношении крестовидная бляха, найденная в разрушенном кургане у с. Енковец на Полтавщине [Кулатова, 1995, с. 142.], которая увеличивает список подобных изделий в лесостепной Скифии, хотя техника изображения животных более близка венгерским экземплярам (рис. 2, б). Короткие концы креста образованы головками копытного животного (лося или осла), выполненными в ажурной манере.

Утверждения о том, что греческие мастера могли изготавливать вещи в зверином стиле с соблюдением стилистических особенностей, свойственных изобразительной традиции скифского искусства, якобы по заказу варваров, не выдерживают критики. Поскольку изложенный выше материал свидетельствует о крайне низком уровне литейного ремесла у греков северопричерноморских полисов в архаическое время и достаточно развитой металлообработке у скифов лесостепного Поднепровья, чьи мастера могли в полной мере обеспечить свое население подобными вещами.

Кроме того, разительное отличие в манере изображения животных в архаическое и раннеэллинистическое время, когда жизнь на лесостепных скифских поселениях затухает, позволяет говорить, что именно греческие мастера были авторами шедевров торевтики IV в. до н. э. — чертомлыцкой вазы, украшений из Куль-Обы, пекторали из Толстой Могилы и многих других. Впрочем, производство этих вещей, скорее всего, следует связывать с металлообработкой в Боспоре, а не в Нижнем Побужье.

Поскольку грекам была чужда скифская религия и традиция изображения животных как объектов поклонения, то на изделиях изображались не отдельные животные или сцены терзания, выполняющие роль оберегов, тотемов, а целые сюжеты на темы скифской мифологии, где, естественно, были задействованы животные, которые, однако, не могли выполнять роли ритуальной первовещи, тотема. То есть, памятники греческой торевтики не несли на себе той мировоззренческой нагрузки, какая была свойственна раннескифским памятникам звериного стиля. Поэтому первые могут рассматриваться только как произведения искусства с нагрузкой чисто эстетической, хотя большинство сюжетов связаны со скифской мифологией и некоторыми культами. Но это может свидетельствовать о знакомстве греков со скифским эпосом, обычаями и желании греческих торевтов угодить вкусам скифской верхушки.

Впрочем, М.Ю. Вахтина отмечает, что традиционно появление греческого импорта в варварском мире связывают с деятельностью греческих поселений в Нижнем Побужье. И это свидетельствует, по ее мнению, не только об экономическом характере греко-варварских связей, но и о начале воздействия греческого искусства на искусство и на **идеологию** (выделено мною — С. О.) скифского мира. Далее, соглашаясь, что изображения животных и сцен терзания не сводились к изображениям орнаментально-декоративного характера, а были тесно связаны с духовной жизнью туземного населения, М.Ю. Вахтина утверждает, что знакомство племен Северного Причерноморья с изделиями греческих мастеров VII—VI вв. до н. э. могло способствовать утверждению здесь «скифского звериного стиля» [Вахтина, 1985, с. 12, 13]. Такая точка зрения представляется нам несостоятельной, поскольку зарождение звериного стиля произошло раньше появления греков в Северном Причерноморье и не на этой территории.

Однако и классический скифский звериный стиль, являвшийся характерной чертой скифской архаики, в IV в. до н. э. вырождается. Не связано ли это с прекращением к этому времени жизни в лесостепных поселениях? Во всяком случае, с этим фактом можно связывать изменения в изобразительной традиции скифов. Но что могло повлиять на развитие ольвийского искусства? Почему в эллинистический период в Ольвии прекратили производить изделия в классическом скифском зверином стиле? Ответ может быть только один: греческие мастера не были авторами таких изделий и включились в производство вещей для варварского населения довольно поздно, когда скифское общество пережило социальную и имущественную дифференциацию, а упадок скифского ремесла обусловил неспособность местных мастеров удовлетворять спрос местной верхушки. Единственный ремесленный центр в Скифии IV в. до н. э. — Каменское городище на Днепре было сезонным торжищем и вряд ли могло обеспечить население степи предметами роскоши. Эту функцию взяли на себя греческие полисы. Но происходило это уже в начале упадка Великой Скифии.

Таким образом, торговый путь в восточные области существовал, но не из Ольвии, а из лесостепной левобережной Скифии, и ни зеркала «ольвийского» типа, ни крестовидные бляхи не могут служить подтверждением визитов греческих купцов в Поволжье и к Уралу, которые не решались выезжать за пределы Скифии, о чем свидетельствует отсутствие античных вещей на северо-восточных памятниках. Скифы же сами распространяли свою продукцию в отдаленные районы и рассказывали грекам о своих дальних путешествиях, что и отобразилось в сказочных впечатлениях Геродота.

Барцева Т.Б. О химическом составе металла на-
верший скифского времени // СА. — 1980 — № 3. —
С. 77—91.

Бессонова С.С. К вопросу о скифо-ольвийских кон-
тактах в VI — начале V вв. до н. э. // Мир Ольвии. —
К., 1996. — С. 104—106.

Вахтина М.Ю. Об одном из аспектов греко-варварс-
ких связей в Северном Причерноморье эпохи архаи-
ки // Проблемы исследования Ольвии. — Парутино,
1985. — С. 12—13.

Граков Б.М. Чи мала Ольвія торгівельні зносини з
Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епо-
хи // Археологія. — 1947. — Т. I. — С. 23—37.

Збруева А.В. История населения Прикамья в анань-
инскую эпоху. — МИА. — 1952. — № 30. — 332 с.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного
Левобережья. — К., — 1968. — 203 с.

Кулатова И.М. Хрестовидна бляха скіфської доби
з Єнківцею у Посуллі // ПАЗ. — 1995. — Вип. 3. —
С. 139—147.

Мурзин В.Ю. Два раннескифских комплекса из
Запорожской обл. // Новые исследования археоло-
гических памятников на Украине. — К., 1977. —
С. 54—68.

Ольговский С.Я. Походження дзеркал «ольвійсь-
кого» типу // Археологія. — 1992. — № 3. — С. 14—
21.

Ольговский С.Я. Походження хрестоподібних блях
скіфського часу // Археологія. — 1995. — № 2. —
С. 25—31.

Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Се-
верного Причерноморья VII—V вв. до н. э. — М.,
2014. — 275 с.

Островерхов А.С. Экономические связи Ольвии, Бе-
резани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII —
середина V вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист.
наук. — К., 1978. — 23 с.

Островерхов А.С. Звіриний стиль в культурі Оль-
вії // Археологія. — 1994. — № 2. — С. 58—69.

Поллидович Ю.Б. Изображение свернувшегося хищ-
ника из архаического некрополя Ольвии // Древнее
Причерноморье. — Одесса, 1993. — С. 64—66.

Прушевская Е.О. Художественная обработка метал-
ла Ольвии, Боспора и Херсонеса // АГСП. — 1955. —
Вып. 1. — С. 325—355.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из
Ольвии и Березани // АКСП. — К., 1984. — С. 105—
129.

Фармаковский Б.В. Архаический период в России //
МАР. — 1914. — № 34. — С. 15—78.

Членова Н.Л. Предыстория «торгового пути Геро-
дота» (из Северного Причерноморья на Южный
Урал) // СА. — 1983. — № 1. — С. 47—66.

С.Я. Ольговский

ЧИ ІСНУВАВ КАРАВАННИЙ ШЛЯХ З ОЛЬВІЇ НА УРАЛ ТА ПОВОЛЖЯ В АРХАЇЧНУ ДОБУ

У статті розглядається можливість існування тор-
гівельного шляху від Ольвії до Уралу і Поволжя в
архаїчний час. Таке припущення було висловлено в
середині ХХ ст. помилково, оскільки Ольвія на фоні
недостатньої вивченості скіфських пам'яток осілого
побуту виглядала розвиненим ремісничим цент-
ром, продукція якого розповсюджувалась в найвід-
даленіші області. Останні дослідження скіфських
ремісничих центрів дозволяють вважати їх більш
потужнішими і розвиненими, і хоча грецькі куп-
ці були там частими гостями, долі на схід вони не
проникали і скіфи самі розповсюджували свою про-
дукцію до Уралу і Поволжя. «Ольвійські» дзеркала
і хрестоподібні бляхи з елементами скіфського зві-
риного стилю не можуть служити доказом зв'язків
Ольвії з цими областями, оскільки не являються
продукцією ольвійських ливарників.

Ключові слова: звіриний стиль, «ольвійські»
дзеркала, хрестоподібні бляхи, караванний шлях,
бронзолivarне ремесло, ремісничий центр.

S. Ya. Olhovskyy

WAS THERE A CARAVAN ROUT FROM OLBIA TO THE URALS AND VOLGA REGION IN THE ARCHAIC ERA

The article is considered to the possibility of exist-
ence of a trading way from Olvia to Ural Mountains and
Volga regions in archaic times. This false assumption
was stated in the middle of 20 century as Olvia looked
like the developed craft centre on account of insufficient
study of Scythian monuments of settled life, and the
production of which extended to the most remote areas.
The recent researches of the Scythian craft centre allow
us to consider them as more developed and powerful.
Although the Greeks were frequent visitor there, they
never went further to the west, so the Scythians them-
selves extended their production to Ural Mountains
and Volga regions. The «Olvia» mirrors and the cross-
shaped pendants with the elements of animalistic style
can prove the connection of Olvia with these regions as
they appear not to be the products of olvian casters.

Keywords: animal style, «olvian» mirrors, cross-
shaped pendants, caravan track, bronze casting craft,
handicraft center.

Одержано 15.03.2017